

19.07.22

СТРАТЕГИЯ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

В политических элитах в Европе последние семьдесят лет не ставился вопрос о том, в чём заключаются их жизненные национальные интересы. Утрата привычки мыслить стратегически приводит Европу к глубоко искажённому восприятию интересов России в украинском кризисе и, соответственно, к непоследовательности собственной стратегии. Об опасности «каникул от стратегического мышления», продолжающихся в Евросоюзе, пишет Андрей Сушенцов, программный директор Валдайского клуба.

В середине 2022 года президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер **сетовал**, что эскалация украинского кризиса привела к краху мечты о построении единого «европейского дома». На место таким мечтаниям «пришёл страх». Президента республики можно поздравить: чувство страха из-за собственной беспомощности способно мобилизовать политическую волю на решение застарелых проблем. ЕС давно пора оставить свою стратегию сентиментальности – выпренных заклинаний, благодушных саммитов, якобы сердечных рукопожатий, не подкреплённых целеполаганием, ресурсами и решимостью идти на жертвы. Однако в этот раз нужной встряски не произойдёт: европейцы неспособны оценить значимость украинского кризиса и жизненный характер интересов России из-за утраты привычки мыслить самостоятельно. Каникулы от стратегического мышления продолжаются.

Стратегическое мышление может родиться только в результате столкновения с

кризисом жизненного характера, когда страна бьётся за независимость, экономическое выживание или собирает себя заново после гражданской войны. После такой катастрофы полученный опыт обобщается и передаётся в следующее поколение элит через систему образования: опыт конвертируется в учебники, в профессоров, в традицию. Такая традиция становится необходимым «общим знанием» людей в четырёх ключевых видах государственной службы – гражданской, дипломатической, военной и специальной. Только таким образом в политической элите формируется консенсус о национальных интересах, о том, какими средствами и за счёт каких ресурсов эти интересы достигать, чем жертвовать ради них. Три последних поколения европейские политики провели в «упражнениях по европереговорам» – облегчённой версии стратегического соперничества, которая создаёт ложное представление о реальных условиях мировой политики. Эти тепличные условия привели к деградации четырёх служб государств Европы и их неспособности сформулировать жизненный интерес своих стран.

Как определялось стратегическое мышление европейцев прежде? Пятьсот лет назад французы сказали бы, что их главная жизненная цель – не допустить высадки английского десанта в Кале. Двести лет назад французы бы говорили, что необходимо сдерживать Британию и не допустить победы консервативных держав, которые пытаются придушить революцию. Сто лет назад таким врагом были немцы, а пятьдесят – в голлистской Франции – оппонентами континентальной Европы виделись англосаксонские державы. Сейчас в Европе для Франции однозначного врага нет, оттого не получается ни мобилизация ресурсов, ни мобилизация внимания. В политических элитах в Европе последние семьдесят лет не ставился вопрос о том, в чём заключаются их жизненные национальные интересы.

В таких условиях страх – полезная вещь.

Утрата привычки мыслить стратегически приводит Европу к глубоко искажённому восприятию интересов России в украинском кризисе и, соответственно, к непоследовательности собственной стратегии. В начале военных действий европейцы намеренно проецировали на Москву опыт США в иракской кампании: по их мысли Россия должна была применить все силы и средства, которые позволят немедленно получить подавляющее превосходство, обезглавить политическое руководство в Киеве и подавить дезорганизованное сопротивление ракетными ударами.

Затем, после ухода российских сил из Киевской и Черниговской областей, в Европе появилась новая стратегия: раз у России недостаточно ресурсов, нужно всеми силами поддержать Украину и поставить ей вооружения, а исход ситуации, как высказался Жозеп Боррель, нужно искать **на поле боя**, а не за столом переговоров. В июне родился третий вариант стратегии: оказывается, у России все же могут быть жизненные интересы на Украине. Москва проявляет высокую искусность в маневрировании силами и средствами, фактически выбирая направление удара, и параллельно перекраивает мирохозяйственные связи, в которых вклад России, как выясняется, высок. На Западе вновь появляются голоса о необходимости вести переговоры с Россией, желательно до начала отопительного сезона. Никто не застрахован от того, что через месяц в Европе вновь пересмотрят взгляд на украинские события, отыскав для себя очередную стратегию взаимодействия с Москвой.

Подобные колебания свидетельствуют о том, что по результатам кризиса переворота сознания у европейских элит не произойдёт. Уже сейчас американцы близки к «никсоновской формуле» завершения войны во Вьетнаме, «Гуамской доктрине по-украински»: «мы за украинизацию конфликта, поставляем вооружение, а дальше – дело ваше». Что касается самой Европы, американцы продолжают смотреть на континент не только как на сферу своей ответственности в сфере безопасности, но и как на ресурс развития, регион, из которого они в ближайшие десятилетия будут черпать ресурсы, поскольку их система взаимоотношений с Китаем становится всё более конфронтационной. Используя антироссийские фобии стран Прибалтики и Восточной Европы, США будут поддерживать точки напряжённости на границах с Россией и продавать европейцам втридорога ресурсы, а санкционным давлением и торговыми войнами – толкать капитал к перетоку на американский рынок.

Пока сохраняются эти константы, преждевременно ставить вопрос о Новой Ялте.

Решения Ялтинской конференции «большой тройки» стали продуктом мировой катастрофы, в которой сгнули десятки миллионов человек. Элиты во всех странах мира одновременно осознали пагубность войны, необходимость передышки во имя того, чтобы восстановить силы и починить разрушенное. Эти люди, руководившие Европой следующие сорок лет, строили европейский порядок с постоянной оглядкой на катастрофу из прошлого, понимая жизненный интерес в недопущении крупной конфронтации. Украинский кризис, при всём его трагизме, всё же является региональным кризисом и не несёт столь же катастрофичных последствий, хотя некоторые из них и ощутимы в глобальном масштабе. Безусловно, риски ядерной эскалации конфликта значительны – тогда украинский конфликт стремительно перерастёт в очаг новой мировой войны в Европе. На данном этапе, однако, украинский кризис запустил процессы глобального водораздела между Западом и Незападом. В Европе новый водораздел означает военно-политическую конфронтацию России и НАТО по лекалам глубокого европейского кризиса безопасности 1970–1980-х годов, когда стороны были близки к ядерной войне, но не сорвались в неё. Вне Европейского континента Незапад сейчас проводит активную инвентаризацию своих отношений с государствами Евро-Атлантики. У Турции возникают вопросы к Финляндии и Швеции, и она, переименовав себя из «индейки» в *Türkiye* тормозит расширение НАТО. Индийский премьер на сессии *QUAD* принципиально начинает говорить на хинди, создав настоящий конфуз с переводом, к которому не были готовы стороны. ОАЭ отказали Соединённым Штатам, потребовавшим отстранить Россию от сделки ОПЕК+. Казалось бы, детали. Но они были невозможны ещё два года назад и свидетельствуют о становлении всё более зрелой мировой полицентричности. В этом мире стратегическая сентиментальность опасна.

Источник – **Клуб «Валадай»**

Источник: **Стратегия сентиментальности во внешней политике ЕС**

ОБ АВТОРЕ

Андрей Сушенцов

Директор

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, глобальные тренды

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, американист. Специализируется на внешней политике США в международных конфликтах. Имеет значительный опыт аналитической работы. Участвовал в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуаций в Закавказье, на Украине, на Ближнем и Среднем Востоке. Исполнял аналитические задачи по заказу Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Федерального космического агентства России и др. В своих исследованиях рассматривает сферы конфликтующих интересов России и США в Европе, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Ключевые публикации – монографии «Малые войны США», «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов», «Россия и мир в 2020 году». Является редактором ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Профессиональный опыт: Директор Института международных исследований МГИМО МИД России и Консалтингового агентства МГИМО «Евразийские стратегии». Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». Был приглашенным профессором и научным сотрудником в Джорджтаунском университете, Университете Джонса Хопкинса, Свободном университете международных исследований им. Гуидо Карли, Гарвардском университете, Мидлберийском институте международных исследований в Монтерее. Член Совета по внешней и оборонной политике и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.

